

Выявление коннотаций и символических значений вербальных единиц в процессе межкультурного обучения

Анна Басова (Йена, Германия)

Современный мир стремительно осваивает многоуровневое пространство международных отношений и межкультурных контактов, в силу чего актуализируется потребность в знании национальных культур и языков.

Значительную роль в установлении межкультурной коммуникации имеет лексика языка, и в частности знание национально-культурной семантики лексических единиц, так как в семантической структуре слова содержится разнообразная информация о системе ценностей той или иной эпохи, культуры, национального видения мира. Известно, что именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым и ценностным параметрам модели мира. Слово раскрывает особенности видения мира тем или иным народом и является своеобразным ориентиром в его освоении. Но в ходе своей практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с окружающим их миром, а с его репрезентациями, когнитивными картинками и моделями.

Познание реальности посредством языка ставит проблему соотношения всеобщего и национально-специфического в языковом отражении мира. Каждый язык отражает в своей структуре и семантике основные параметры окружающего мира, его оценку – универсальные свойства модели мира. Одним из главных признаков национальной языковой картины мира является соотношение нормативных и индивидуальных явлений, то, в какой степени представлены в языке основополагающие категории бытия.

Известно, что лексический фонд языка отражает менталитет народа, особенности его исторического и культурного развития, традиции и обычаи народа, носителя языка. В связи с этим концептуальное содержание идентичных лексем в разных языках может существенно отличаться. Например, немецкая лексема „*Freund*“/“*Freundin*“ имеет свое, отражающее немецкую ментальность, коннотативное содержание по сравнению с русской лексемой «друг/подруга», (бел. «сябар/сяброўка»), где она употребляется, с одной стороны, в таких же значениях, как в русском и белорусском языках (1. тот, кто связан с кем-н. дружбой; 2. сторонник, защитник кого-чего-н.; 3. как обращение к близкому человеку), но, с другой стороны, имеет еще и следующие значения: 4. любитель, охотник (бел. аматар) до ч.-л.; 5. возлюбленная, любовница (бел. каханая, каханка); 6. гражданский муж/жена. Немецкое „*Prospekt*“ (русс. «проспект», бел. „*праспект*“) включает такие значения, как «план», «краткое содержание издания», «справочное издание», но в немецком языке «*проспект*» в значении «улица» в понятии немцев не существует. Или, например, в понятии «рука» немецкого языка выделены более дифференциальные признаки, чем в русском и белорусском языках: „*Hand*“ и „*Arm*“ (сравн. также: пальцы рук и

ног: „Finger“ и „Zehe“), как и в понятии «сутки» (бел. „суткі“) – „Tag und Nacht“; русск. «любить», бел. «любіць» и «кахаць» и немецкие „lieben“, „mögen“, „lieb haben“, „gern haben“, „gern machen“. Словам „leben“, „wohnen“, которые являются отдельными лексемами в немецком языке, соответствуют русское «жить» и белорусское «жыць».

Обратная ситуация, когда одному слову немецкого языка соответствует два и более русских или белорусских. Так, выделяются два значения у слова *Rock*, которые соответствуют двум совершенно различным лексемам русского и белорусского языков *юбка* и *пиджак/спадніца і пінжак*; слову *Knopf* соответствуют следующие лексемы русского языка *пуговица, запонка, кнопка, набалдашник, головка* и лексемы белорусского языка *гузік, запінка, кнопка, булдавешка, галоўка*; лексема *Knicker* переводится как *складной нож* (бел. *сцізорык*), *скряга* (бел. *скнара*), *скупец* (бел. *скупы*), *блоха* (бел. *блыха*); лексема „waschen“ в русском языке переводится как «стирать» и «мыть», в белорусском – «*прасці*» и «*мыць*» и т.д.

(Так, местоимениям каждый, любой/кожны, любы в немецком языке соответствует *jeder*; прилагательным длинный, долгий в белорусском языке соответствует 'доўгі', а в немецком – 'lang'. Немецкое прилагательное *schön* переводится на русский язык как хороший, красивый, на белорусский как харошы, прыгожы. Существительным питье и напиток/піццё и напиток соответствует в немецком языке *Getränk*, а существительным лук и луковица/цыбуля и цыбуліна – *Zwiebel*.)

Эти примеры подтверждают мнение, что в лексике немецкого языка по отношению к русской и белорусской лексике преобладают гипонимические отношения, в русском и белорусском – гиперонимические. «Преобладание гипонимических или гиперонимических отношений рассматривается как показатель большей конкретности или абстрактности языка». Это означает, что немецкая лексика более конкретна по сравнению с лексикой русского и белорусского языков.

(Акрамя таго, гэта тлумачыцца і полісеміяй нямецкіх лексем. Нпрыклад: нямецкі дзеяслоў *diskutieren* мае адпаведнік у рускай мове – *дискутировать*, у беларускай *дыскутаваць*, але аб'ём значэння нямецкай лексемы шырэй: *diskutieren* азначае 'абмяркоўваць што-н., спрачацца, дыскутаваць аб чым-н.' Ці, напрыклад, назоўнік *Sicherheit* азначае 1) *безопасность/бяспека*, 2) *надежность/надзейнасць*, 3) *уверенность/упэўненасць*, 4) *гарантия/гарантыя*; прыметнік *pünktlich* азначае *пунктуальный, точный, аккуратный/пунктуальны, дакладны, акуратны*; прыслоўе *draußen* азначае *снаружи, на дворе, на улице/звонку, на двары, на вуліцы*; назоўнік *Anstellung* выступае ў значэннях *прием, зачисление на работу/прыём, залічэнне на працу* і *место работы, должность/месца працы, пасада*; назоўнік *Wirtschaft* у нямецкай мове можа

азначаць: 1) хозяйство/‘гаспадарка’; 2) экономика, народное хозяйство/‘эканоміка, народная гаспадарка’).

Это объясняется еще и тем, что способы и формы отражения, также как и формирование понятий, обусловлены спецификой социокультурных и природных особенностей жизни того или иного народа, той или иной лингвокультурной общности (в нашем случае – русских, белорусов и немцев). Расхождения в языковом мышлении проявляются в чувстве избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия, в сравнении с родным языком инофона. Поэтому заслуживают особого рассмотрения и лексемы с высокой степенью образности и идиоматичности в исследуемых языках. Так, например, русская лексема «улитка» (бел. «смоўж») имеет в этих языках переносное образное значение с негативным оттенком, а в немецком языке слово „*Schnecke*“ употребляется как при негативной, так и при позитивной характеристике чаще всего женщины. Как видим, даже в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда – противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания. Немецкий «*Hase*“ (заяц) связывается не с понятием «трусливый», «нерешительный», которое чаще всего отмечается в восточнославянской традиции, а подчеркивает такие качества человека, как опытность, умелость, бесстрашие и мужество. *Свинья* является в немецком ареале символом благоденствия и богатства. Не случайна и традиционная форма денежной копилки – поросенок *Sparschwein*. В русской и белорусской культурах свинья имеет самые негативные характеристики среди всех домашних животных. Основной корпус выражений с компонентом «свинья» в этих языках посвящен открытому или косвенному высмеиванию человеческих недостатков: чрезмерный аппетит, вредность, упрямство.

Таким образом, восприятие «лексического фона» слов в призме только своего национального мировидения, незнание национально-культурных коннотаций и символических значений вербальных единиц различных культурных кодов могут привести к непониманию и конфликту в процессе межкультурной коммуникации.